

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

РУССКОЕ СЛОВО

08
2021

**МЫ, СЛАВЯНЕ, ПОЕМ
ЗВУЧНЕЕ И БОЛЕЕ ВОЛЬНО,
МЫ ПОЕМ СЕРДЕЧНЕЕ...**

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

ЦЕНА 60 КРОН

АЛЕКСАНДР МУРАТОВ

ТАК ДЛЯ МЕНЯ НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО СМ. «РУССКОЕ СЛОВО» № 6–7/2021

В ПОСЕЛКЕ БЛАГОДАТНОЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Красная база семенного завода оказалась бывшей «экономией» крупного землевладельца. Центр ее — площадь, поросшая травой, а вокруг контора, жилой двухэтажный многоквартирный дом, длинное здание семенного склада, кузница, столярная мастерская, пожарная вышка с малым пожарным депо и помещением охраны. Сюда примыкает хозяйственный двор с конюшней и сараями для коров, свиней и прочей живности нынешних работников. За этой усадьбой картофельные огороды и среди них еще один большой семенной склад, побеленный, под железной крышей. С другой стороны — большой фруктовый сад, который доходит до ограды Благодатненского сахарного завода. За кузницей и столяркой вдали видны залив реки Сейм и «олѣх» — ольховая роща. Мы подумали, что название Благодатное не зря происходит от слова «благодать». Не знали тогда, что через два года, летом 1943 года, по этим местам пройдет грозный смерч войны — битва на Курской дуге.

Пока мы обустроивались в своем углу пустого семенного склада, подошло время обеда и знакомства с Врублевскими — Францем Дионисовичем и Еленой Кайтановной. Они пришли к нам познакомиться и пригласили к себе. Это была пожилая супружеская пара польского происхождения. Детей они не имели. Франц Дионисович выглядел как типичный управляющий хозяйством крупного землевладельца дореволюционной эпохи: рост выше среднего, стройный, седые ухоженные усы, на голове белая фуражка с черным околышем и блестящим козырьком, серый костюм, брюки заправлены в высокие хромовые сапоги. Елена Кайтановна соблюдала стиль

прошлой эпохи и напоминала даму из старинного журнала. Обед у Врублевских проходил в две смены — сначала дети, а потом взрослые. Нас удивили картофельным супом, сваренным на сыворотке от творога.

Первая неделя прошла спокойно: купались в реке, катались на лодке, в лесу собирали маслята. Но тревога военного времени и здесь ощущалась и нарастала, особенно после последней мобилизации в армию мужчин старшего возраста. Из жилых домов слышались женские рыдания. Запомнилось, как одна женщина утром доила корову, громко причитая: «И на кого ты меня с детьми оставил...». Пришла мысль о плаче Ярославны на крепостной стене Путивля в «Слове о полку Игореве», тем более что до Путивля было от нас километров пятьдесят. Видимо, такова традиция в этих местах. В украинских селах мобилизацию мужчин также воспринимали как беду, женщины тоже плакали, но таких громких причитаний нараспев я не слышал.

Днем пролетали немецкие самолеты, стреляли из пулеметов. Из складов стали раздавать населению спецодежду, желтый сахар (утфель) и патоку (меляс). Торговая сеть все распродала, магазины закрывались. Перестали выпекать и продавать хлеб. Военные и представители местной власти направляли жителей на рытье противотанковых рвов в долине реки Сейм. Я тоже туда ходил с лопатой. Однажды по дороге и огородам прошло большое стадо коров, больных ящуром. У них изо рта текла слюна, отслаивались копыта, они хромали, были не доены и мычали. По большой дороге передвигались подразделения пехоты. Военные бросали в реку гранаты — глушили рыбу. Демонтаж завода прекратился: железная дорога перестала давать вагоны, рабочих не стало. Мы, школьники, узнали, что десятилетка закрылась и учебный год не начнется. А я хотел туда записаться.

**НЕМЕЦКИЕ ПИКИРУЮЩИЕ БОМБАРДИРОВЩИКИ
JUNKERS JU 87 STUKA НАД ПРИБРЕЖНОЙ
ТЕРРИТОРИЕЙ ДНЕПРА. УКРАИНА, 1941.**

Фото: Deutsches Bundesarchiv / AP Photo

В последние дни августа приехал папа с уполномоченным Главсахара по эвакуации Д. Н. Пузиковым. Они рассказали, что после бомбардировки 19 августа и вынужденного прекращения демонтажа завода ушли из Бахмача и добирались к нам разными способами (пешком, товарными и пассажирскими поездами) несколько дней. В ночь на 23 августа они видели из Конотопа зарево пожара над Бахмачем. Потом узнали, что зажигательные бомбы попали в склад завода, где хранился резервный запас семян свеклы — сто вагонов. Он горел несколько дней. Зажигательными бомбами сожгли вокзал на станции Бахмач-Пассажирский. Папа и его московский коллега утром следующего дня поехали на станцию Крупец в тридцати километрах от нас. Повез их тот же Брынцев, что вез нас. Там была вторая семенная база завода. Надо было вывозить семена оттуда.

Из бахмачан «в базе» остались только я с мамой. Слышны были бомбардировки Рыльска, Коренева и других мест. Пролетали немецкие самолеты. С них иногда доносились звуки пулеметной стрельбы и удары пуль по железной крыше сахарного завода. Особенно неприятно было слышать ночью тяжелый гул самолетов. Они шли волнами то в одну, то в другую сторону. В темноте мы их не видели и не знали, чьи они. Однажды днем немецкий бомбардировщик, летя со стороны Коренева к Рыльску, в километре от нас разгрузил свой запас бомб прямо над полем. Самолет шел высоко, был хорошо виден на фоне белых облаков. Сначала мы услышали характерный свист летящих бомб, а за ним грохот сливающихся в очередь взрывов. Сбросив бомбы, самолет развернулся и ушел обратно. Потом мы с приятелями ходили смотреть, что там. На оголенном поле было около десятка черных воронок.

Через несколько дней отец, Пузиков и Брынцев вернулись. Их поездка была удачной. На станцию Крупец прибыла большая воинская часть: с северо-запада, из Беларуси, приближался фронт. Помещение склада годилось военным как временная казарма. Сотни красноармейцев на плечах отнесли мешки с семенами из склада в вагоны, и поезд с ними ушел на восток.

В один из сентябрьских дней отец пришел из дирекции сахзавода один, без Пузикова, и сказал, что тот уехал в Москву и нам тоже предстоит отъезд. Грузовая автомашина Олымского сахарного комбината, что возле станции Касторная, будет возвращаться. Мы и главный инженер Благодатненского завода Стефанович поедем этой машиной в Ново-Покровский сахарный комбинат в Шульгинском районе Тамбовской области. Туда, куда отправлялось оборудование завода из Бахмача.

ПУТЬ В ТАМБОВСКУЮ ОБЛАСТЬ

В один из следующих дней пришла машина, «полуторка» ГАЗ-АА. В кузове сидели супруги Стефановичи с дочкой, погрузились и мы трое со своим багажом.

Прощались с Врублевскими и теми, кто оставался, и отправились на восток, в направлении Льгов, Курск, Воронеж. Выехав на большую дорогу, влились в поток транспорта и пешеходов: в восточном направлении двигались воинские и гражданские машины, пароконные и одноконные повозки. У всех людей были озабоченные угрюмые лица.

День был солнечный, вокруг нас осенние поля со скирдами соломы, небольшие рощи и водоемы — это окрестности Льгова, знаменитые тургеневские места, описанные классиком в охотничьих рассказах. Чем ближе мы подъезжали к этому городу на реке Сейм, тем красивее была природа, но она не радовала.

Быстро проехали Льгов и опять выехали на «большак», ведущий к Курску, до которого еще было 80 километров.

УКРАИНА, АВГУСТ 1941.

Фото: S. Khoroshko / TASS / Getty Images

**ЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
И ОБОРУДОВАНИЯ ЗАВОДОВ В ТЫЛ СТРАНЫ. 1941.**

Фото: Государственный архив Челябинской области

**СООРУЖЕНИЕ ПРОТИВОТАНКОВОГО РВА
В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ. 26 ИЮЛЯ 1941.**

Фото: Михаил Савин / ТАСС / РИА Новости

На дороге застава: люди в штатском и милиция проверяют документы, а красноармейцы с оружием стоят в оцеплении. Мы стали в очередь и после проверки поехали дальше. Перед въездом в Курск опять проверка — потеря времени. Вечерело. В городе светомаскировка, фары включать нельзя. Водитель, зная город, выбрал место для ночевки на окраине, подальше от железной дороги и моста через реку — целей для вероятной бомбардировки. Мы перекусили и расположились спать в кузове машины на вещах. Стефановичи имели два тулупа из овчины «благородной выделки» и завернулись в них. Мы укрылись одеялами, пальто и еще чем-то. Ночь была холодная, но мы спали хорошо — сказалось утомление и прошедший тревожный день.

С рассветом поехали в Воронеж. Часов в семь утра загудел самолет, мы увидели его. Это был одномоторный «мессершмитт». Летел он над дорогой так низко, что были видны опознавательные знаки, и стрелял короткими пулеметными очередями непонятно в кого. Потом развернулся, зашел второй раз на прежний курс, сбросил несколько легких бомб над лесом и улетел. Наша колонна его не интересовала. Но этого было достаточно, чтобы нас испугать.

Проехав километров пятьдесят от Курска, мы оказались в районном центре Щигры. За ним дорога шла между краем военного аэродрома и железнодорожными путями. Появились шесть немецких бомбардировщиков. На аэродроме раздались гудки сирен. Летчики бросились к самолетам, начали заводить двигатели. Одни самолеты взлетали, а другие двигались по полю аэродрома. Это были в основном двухмоторные бомбардировщики. Взлетевшие самолеты кружили вокруг аэродрома очень низко. Со всех сторон стрекотали пулеметы и были слышны выстрелы зенитных орудий. Автомашин остановились. Люди с них прыгали на землю и бежали к железнодорожному полотну, чтобы уйти с аэродрома.

Немецкие самолеты на высоте начали поворачивать, снижаться и заходить снова. Послышались взрывы бомб, но они были далеко от нас. Снижившись, немцы начали стрелять из пулеметов. Было видно, как пули ложатся рядами по земле. Мама лежала возле штабеля щитов для снегозадержания, поджав ноги. Пулеметная очередь прошла на расстоянии один или два метра от ее ног. Потом все затихло. Наши самолеты начали садиться. Повреждений и пожаров мы не видели. Постепенно наш испуг проходил, мы погрузились в машину.

Проехав еще километров пятьдесят, опять оказались на аэродроме — между Черемисиново и Мармыжами. Наступал вечер. Немцы в такое время не летали. На аэродроме стояли четырехмоторные бомбардировщики ТБ-4. Это тяжелые ночные и тихоходные самолеты, которые могли стать легкой добычей вражеских истребителей, вылетев в дневное время без прикрытия. На самолетах работали техники — вероятно, готовились к ночному рейду в глубокий тыл немцев. Мы проехали вдоль этого аэродрома и через поселок Кшень. За ним расположились на ночлег.

На следующий день ехали медленно — дорога была плохая, к вечеру оказались возле станции Касторная. Это историческое место боев Гражданской войны, а через год после нашего проезда, в 1943-м, здесь проходила Воронежско-Касторненская операция — удар Красной Армии по германским и венгерским войскам.

Возле Касторной находился Олымский сахарный комбинат. Он был транзитным пунктом эвакуированных «сахарников». Мы остановились в заводском общежитии. Там собралось человек пятьдесят таких же беженцев из Украины. В одной из комнат нашли свободное место на полу, подложили солому под подстилку и расположились на ночлег. Рядом на полу разместилось еще человек десять, почти все женщины. Судя по их разговорам — техническая интеллигенция сахарных заводов.

Утром выяснилось, что ехать нельзя — прошел дождь со снегом. Сентябрь — и вдруг снег! Зато здесь было еще «мирное время». В рабочей столовке можно было получить постный суп и хлеб, а в «Рабкоопе» купили сахар и несколько пачек «Явского чая». Он оказался ароматным и вкусным, особенно когда его пили на полу и рассуждали, почему он называется «явским», а не «яванским». Наверное, это был у нас лучший чай за все военное время.

ЛБГОВ, КУРСКАЯ ОБЛАСТЬ. 1942.
РАЗРУШЕННЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ СЕЙМ.

Фото: Tamás Konok / Fortepan

ПАНОРАМА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЧАСТИ ВОРОНЕЖА.
ИЮЛЬ 1942. Фото: ВРКПО «Наша история», Воронеж

РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК НОВОПОКРОВКА. СЛЕВА —
НОВОПОКРОВСКИЙ САХАРНЫЙ ЗАВОД, ЗАКРЫТ
В 1993 ГОДУ, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РАЗРУШЕН.

Фото: Nikita Schedrin / личный архив

Через два или три дня снегопад прекратился, а ночной мороз укрепил дорогу, и мы поехали дальше, в Воронеж. Стефановича уговорили остаться на Олымском сахарном заводе — более молодых инженеров уже мобилизовали.

Утром в день отъезда водитель пришел с женой и еще одной женщиной. Они ехали с нами до Воронежа на базар продавать «чухонское масло». Так называли топленое сливочное масло, охлажденное в глубоких тарелках и вынутое из них. Такие масляные диски на холоде хорошо хранятся и удобны для перевозки. Говоря о жизни в селе, женщины жаловались, что картошка в огородах осталась неубранной: нет лошадей, чтобы запрячь в соху, их забрали для нужд армии. Мама удивлялась: в Украине не знают, что такое соха, а картошку в своих огородах копают лопатами. Женщины недоверчиво отнеслись к ее словам: «Нешто можно лопаткой выкопать ее с целого огорода?»

Здесь, под Воронежем, еще не знали, что приближается фронт и что у Лохвицы, 220 км восточнее Киева, сомкнулось кольцо окружения всего Юго-Западного фронта, и 16 сентября Красная армия ушла из города. Только теперь мы знаем, что из войск этого фронта тогда в плен попали 665 тыс. человек (под Сталинградом немцы потеряли пленными 86 тыс.). Из Киева удалось выйти штабу и ряду частей 37-й армии под командованием генерала А. А. Власова, взорвав все мосты через Днепр.

МЫ НА ДОНУ

В Семилуках по мосту, у которого стояли зенитные орудия, переехали через Дон. Я к тому времени уже прочитал первый том «Тихого Дона» М. Шолохова и ожидал увидеть большую реку, но здесь он был неширокий и впечатления не производил.

По Воронежу ехали довольно долго. Вдруг — сигнал воздушной тревоги. Остановились, сошли с машины. Слышались выстрелы зениток, а высоко в небе виднелись разрывы снарядов.

К вечеру приехали в поселок Новая Усмани. Там нас пустили ночевать добрые люди, накормили и положили меня спать на теплой печке. На следующий день по размокающим дорогам проехали немного и остановились в селе Рождественская Хава. Нас приняла молодая хозяйка, она, вероятно, была женой местного служащего, мобилизованного в армию. На другой день выяснилось, что дороги непроезжие. Хозяйка решила использовать в своем хозяйстве двух «мужиков» — шофера и меня. Попросила нас разрезать трех барашков: они «зря травили сено», которого не хватало корове. Наш водитель взялся за это с охотой, а меня определил в помощники и ученики мясника. Пошли в сарай. Мой наставник как бы садился на овцу верхом, зажимал между ногами ее грудь и передние ноги, перерезал шею, а я должен был держать высоко заднюю часть, чтобы хорошо оттекала кровь. Потом тушу подвешивали, снимали шкуру. Так мы провели день, и хозяйка побаловала нас свежей бараниной.

Наутро поехали дальше на восток, в Эртильский район. Там был сахарный завод и свеклосовхоз, в котором папа бывал еще в 1934 году. Из-за бездорожья мы туда не доехали, остановились в селе Щучье. Здесь нас пустили переждать непогоду в здании школы. В ней были свободные помещения: ученики старших классов бросили учебу в связи с войной и пошли работать. Директор школы Потемкин, его жена-учительница, сын и дочка, мои ровесники, отнеслись к нам сочувственно. Узнав, что у меня нет учебников для 7 класса, сын директора принес мне целую связку книг, среди которых было первое издание «Истории средних веков», предмета, о котором я не имел тогда представления и поэтому начал с интересом читать.

Через день мороз укрепил дорогу, мы поехали по кочкам и замерзшим лужам и вскоре достигли цели нашего маршрута — Ново-Покровского сахарного комбината.

Папа ушел в контору и через час вернулся. Он узнал, что вагоны с оборудованием из Бахмача прибыли и оно размещено на складах. Нас определили на жительство в поселок Реконструктор, поселили в квартире бухгалтера Лычкина, в комнате с русской печкой. Вероятно, до нас она служила кухней.

АЛЕКСАНДР МУРАТОВ В 14 ЛЕТ.

Фото из семейного архива

Это произошло 4 октября 1941 года. На полях уже ложился снег. Подступала первая военная зима — ранняя, морозная и снежная, с многими трагическими событиями. Папа поступил на работу на сахарный комбинат и пытался связаться с руководством Главсахара в Москве, но безуспешно — в Москве началась эвакуация.

Я пошел в местную школу-семилетку, в 7-й класс. 14 октября мне исполнилось 14 лет. Но скоро занятия прекратились: двухэтажное здание школы стало призывным пунктом Шульгинского райвоенкомата. Призывали уже мужчин старшего возраста — армия требовала пополнения. Многие ученики 6-го и 7-го классов, дети мобилизованных, пошли работать в совхоз. Устроился на работу и я. Меня определили в совхозную ригу (по-чешски и по-украински — стодола) — большой амбар, в котором хранилось зерно для весеннего посева. Мы, школьники, пропускали его через ручную веялку. Два человека крутили ее ручку, а еще несколько ведрами подносили и насыпали зерно в эту машину. Процесс шел непрерывно. Источник энергии — мышцы участников. Теперь я перестал быть «ижидивенцем» и получал хлеб по рабочей норме в магазине совхоза.

В конторе был радиоузел. Включать приемник имел право учитель истории, который по состоянию здоровья не мог быть в армии. Через него получали неприятные новости: 20 октября немцы заняли город Сталино (Донецк), а 24-го Харьков. Иногда приходили газеты. Мы узнавали, но не сразу о боях на подступах к Москве, о параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, с которого войска уходили на фронт. В начале декабря стало известно, что немцы у Москвы остановлены.

В Шульгинском районе волна мобилизации закончилась. В декабре школа открылась, но здание не отапливалось. Я пошел на занятия. На уроках сидели в зимней верхней одежде и шапках. Чернила замерзли, писать было невозможно.

Настроение людей улучшилось, когда стало известно, что Красная Армия под Москвой начала наступать, что фронт у Воронежа остановлен, хотя немцы были в Харькове и в Орле. Перестали летать немецкие самолеты. Казалось, что в декабре 1941 года будет некоторое затишье. Новый 1942 год пришел незаметно, без елок и празднования. Говорили: «Дед Мороз остановил немецкие танки и самолеты».

Так 31 декабря 1941 года закончился 192-й военный день, но война и бедствия, связанные с ней, продолжались. А у меня в новом году завершится учеба в седьмом классе и начнется биография сельхозработного, «кующего в тылу победу», как говорили потом ■

БЛАГОДАРИЮ АННУ ДЕУТУ ЗА ПОМОЩЬ В СБОРЕ МАТЕРИАЛА ДЛЯ СТАТЬИ